

УДК 94(47)084.3(571)

Д.Н. Шевелев

В «ЖЕЛЕЗНОМ КОЛЬЦЕ»: ОБРАЗ «ЕДИНОГО СТРАТЕГИЧЕСКОГО ФРОНТА БОРЬБЫ С БОЛЬШЕВИКАМИ» И ТРАНСФОРМАЦИЯ ЕГО СОДЕРЖАНИЯ В ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ УРАЛА И СИБИРИ ВЕСНОЙ–ОСЕНЬЮ 1919 г.

Анализируется один из ключевых пропагандистских концептов белой Сибири весны – осени 1919 г.: образ «единого стратегического фронта борьбы с большевиками». Рассматриваются условия, в которых актуализируется мифологема «единого антибольшевистского фронта», трансформация ее содержания.

Ключевые слова: Гражданская война, Сибирь, политическая пропаганда, пропагандистский дискурс, образ “железного кольца”.

Весной 1919 г. обстановка на Восточном фронте стала меняться. «К середине апреля, – писал генерал А.И. Деникин, – кривая успехов сибирских армий достигла наивысшей точки. Дальше она покатила вниз» [1. С. 467]. В ходе контрнаступления Восточного фронта и последовательного ряда фронтовых операций (Бугурусланская, Белебейская, Уфимская и Сарапуло-Воткинская) Красная армия нанесла поражение основным силам колчаковских армий. Подводя итог боевым действиям за период с конца апреля до конца мая 1919 г., командующий Восточным фронтом А.А. Самойлов писал: «Вся победоносная группа противника, оперировавшая к югу от р. Камы, настолько была потрясена, что была отброшена в район г. Уфы, в том числе разбиты и части двух дивизий корпуса Каппеля, не закончивших даже своего формирования. Наступление наше вслед за тем к низовьям р. Белой и поражение здесь снова собранных противником полков, несомненно, принудило последнего к отходу и на всем фронте 2 армии, обеспечив для нас, таким образом, выгодное исходное положение для дальнейших действий против районов пермского и екатеринбургского, а также облегчения операции по подавлению восставшего казачества» [2. С. 699–700]. Перелом в ходе боевых действий зафиксировал в своем дневнике и управляющий военным министерством колчаковского правительства генерал-лейтенант А.П. Будберг. «На фронте никакой надежды на улучшение, – написал он 26 мая 1919 г., – как ни загромированы фронтовые донесения, из них все же всюду лезет, что дела неважны; несомненно, что способность сопротивления многих

частей потеряна и что офицеры и солдаты выбились из сил... Сейчас не может быть никакого сомнения в том, что мы потеряли все успехи этой зимы; красные умело учли все наши ошибки и все невыгоды нашего безмерно растянутого, жалкого и расстроенного положения» [3. С. 259]. В ходе контрнаступления Восточного фронта (конец апреля – середина июня 1919 г.) части Красной армии продвинулись вперед на 300–400 км, разгромив основные силы колчаковских армий. 15 июля советский главком С.С. Каменев подписал директиву об освобождении Южного и Среднего Урала [4. С. 592].

Через неудач на фронте оказала деморализующее воздействие на армию. «Фронт, не находя поддержки в тылу, разлагается, и главной мыслью малосознательной части солдат становится мысль о мире», – отмечал в своем рапорте командующему Сибирской армией генерал А.Н. Пепеляев. И далее: «Настала такая минута, когда не знаешь, что будет завтра, не будут ли части сдаваться в плен целиком» [5. С. 80, 82]. Наличие такого рода настроений во фронтовых частях вынуждена была признать даже «государственно мыслящая» пресса. «На почве естественного отхода», как писала пермская газета «Освобождение России», «среди наших частей начало развиваться опасное чувство безразличия к войне» [6. 6 июня]. «Во всех почти солдатских письмах, – указывалось в обзоре корреспонденции Главного военного цензурно-контрольного бюро, – отмечается стремительность напора красных. “Были у Вятки, – пишет солдат, – а теперь где”. Настроение подавленное» [7. Л. 94]. «Пленные говорили, – вспоминал военный комис-

сар 27-й дивизии А.П. Кучкин, – что Колчаку преданы только офицеры. Среди рядовых верой и правдой служат ему главным образом казацки части. Но и среди последних имеются недовольные колчаковскими порядками. Что касается мобилизованных в колчаковскую армию крестьян, то многие из них настроены враждебно как к Колчаку, так и к его офицерам. У них одно желание – как бы поскорее вырваться из белой армии. Некоторые из них стараются попасть в плен к красным и повернуть оружие против Колчака. При отступлении они прячутся в деревнях и лесах и там дожидаются прихода красных, чтобы перейти на их сторону» [8. С. 83].

В еще большей степени известия о военных поражениях разлагали тыл. «Неизменно всякий раз, когда в развитии военных действий наступает некоторая “заминка”, – писали в июне 1919 г. екатеринбургские “Отечественные ведомости”, – или когда каприз военной удачи случайно улыбнется врагу, в некоторых, воистину “обывательских”, кругах общества происходит замешательство, поднимается трусливый и беспорядочный переполох. Немедленно возникает целый ряд самодельных “информационных бюро”, поставляющих “самовернейшие” известия; в известиях этих не только сдаются города и производятся устрашающие передвижения, но и содержатся также широкие и общие предсказания обязательно мрачного и панического свойства» [9. 15 (2) июня]. К августу, когда был потерян Урал, Сибирь захлестнула волна слухов, удручающе воздействовавших на психику обывателей. «Настроение населения в последние дни может быть охарактеризовано словами: паника и растерянность, – говорилось в одном из докладов, основанном на материалах Главного военного цензурно-контрольного бюро и информации с мест. – Паника охватила не только прифронтовую полосу, но и глубокий тыл. Уныние, растерянность и страх овладели как крестьянским населением, так и интеллигенцией и представителями власти. Прибывающие с фронта беженцы рассказывают потрясающие подробности поголовного бегства населения из Перми, Екатеринбурга и других городов и сел... Общество не верит разговорам о стойкости фронта, о том, что Омск в безопасности, так как оно боится повторения истории Казани и Екатеринбурга. Слухи о запрещении разгрузки Омска со стороны Ставки вносят еще большее смятение в и без того крайне тревожную атмосферу» [10. Л. 7–7об.]. Примерно в то же время неустойчивое положение колчаков-

ского тыла зафиксировала военная контрразведка красных. «В районе г. Омска и глубоко от него, – отмечалось в информационном бюллетене особого отдела 3-й армии Восточного фронта за 18–20 августа 1919 г., – крестьянское население революционное и ждет наступления большевиков... Надежды населения, солдат и офицеров на поддержку со стороны японцев и атамана Семенова абсолютно нет, тем более у интеллигентных и мало-мальски понимающих политику, а потому многие, даже офицеры, уходят по деревням вместе с семьями, сменяют свои военные костюмы, одеваются в крестьянские и скрываются на полевых работах или в лесах, и туда им родственники носят продукты...» [11. С. 166–167].

Под воздействием неудач на фронте Российское правительство адмирала А.В. Колчака и Ставка активизируют пропагандистскую работу среди своих войск и населения. В конце весны – начале лета 1919 г. происходит существенная реорганизация осведомительного аппарата [12. С. 66–67], расширяется его финансирование. Только по линии Совещания по делам печати, учреждения, руководившего на территории Урала и Сибири всей издательской деятельностью, с середины марта до конца октября 1919 г. на организацию пропаганды было израсходовано свыше 20 млн рублей [13. Л. 3, 6]. В срочном порядке Омское правительство наращивает издательскую деятельность. С июня по октябрь 1919 г. Русским бюро печати было издано 76 наименований листовок общим тиражом 10 156 000 экз., 30 брошюр в объеме 1 777 000 экз. [14. Л. 106об, 107]. По заявлению начальника осведомительного отдела Ставки полковника Г.И. Клерже, Осведверхом еженедельно отправлялось на фронт до 1 млн листовок [15. 9 июля]. Всего же, с 28 мая по 10 сентября 1919 г. Осведверх выпустил до 6 млн экз. различных пропагандистских изданий [16. С. 108]. Ведется работа по созданию распространительного аппарата на местах, организации устной и наглядной агитации. Проходит несколько межведомственных совещаний, направленных на согласование работы информационных, осведомительных и культурно-просветительных учреждений. Кроме того, проводится ряд пропагандистских мобилизационных кампаний (среди сибирского казачества, беженцев, карпаторуссов), направленных на пополнение рядов действующей армии, начинается формирование добровольческих дружин «святого креста» и «зеленого знамени».

Изменения на фронте повлияли и на содержательную сторону политической пропаганды Омского правительства, стратегии пропагандистского дискурса. Весной – осенью 1919 г. лояльная А.В. Колчаку пресса активно использовала образ «единого стратегического фронта борьбы с большевиками». «Простое воспроизведение большевистских сводок за короткий период в две недели, – отмечал военный обозреватель “Сибирской жизни” генерал А.И. Андогский, – дает возможность каждому... отдать себе отчет, что советское правительство мечется в железном кольце, которое все больше и больше сжимается, грозя удушить попавших в него насильников» [17. 12 июня]. Обстоятельное перечисление всех антибольшевистских фронтов, всех враждебных советской России сил, к которому прибегали периодические издания, должно было сформировать у читателя вполне определенное видение ситуации. «Колчак, Деникин, Юденич, Григорьев, – писала “Надежда России”, – и прочие, и прочие, и прочие, уральское войско, англичане с севера, эсты, поляки, финляндцы и прочая, и прочая, и прочая – сколько их этих врагов разбойников, сколько этих защитников мира, закона и справедливости, разрывающих на части и ранящих со всех сторон голодный скелет без души – Российскую социалистическую, федеративную, единственную, несравненную, но все же почему-то никому не пришедшуюся по вкусу советскую республику» [18. 12 августа]. В другой новониколаевской газете, “Военных ведомостях”, также путем несложных арифметических вычислений расписывались преимущества антибольшевистской коалиции. «Ведь у нас, – говорилось в одной из ее передовых статей, – существует три фронта на западе – литовский, польский, румынский; один на северо-западе – финляндский; северный – русско-англо-французский; наш громадный восточный; южный – генерала Деникина; наконец, совершенно обособленный, Семиреченский фронт. Так, по самому грубому подсчету, выявляется *восемь* (выделено в газете. – Д.Ш.) противобольшевистских фронтов» [19. 27 мая].

Актуализация образа «единого стратегического фронта борьбы с большевиками», широкое использование в пропагандистских изданиях применительно к положению советской России и Красной армии таких метафор, как «железное кольцо», «железная клетка» и «затравленный зверь», происходит еще ранней весной 1919 г., в период успешного наступления Западной и Сибирской ар-

мий. В марте 1919 г. на реке Печоре происходит встреча передовых частей Сибирской армии и войск Северной области. «Пока, – писала газета “Сегодня”, – соединились только передовые части обеих армий. Значение этого соединения с военной точки зрения очень велико: оно, прежде всего, имеет целью создание единого противобольшевистского фронта... несомненно, что вслед за соединением передовых частей произойдет прочное слияние армий, что поставит красную армию перед новым, большим по протяжению и силе, фронтом. Красным придется или усиливать здесь свои отряды и оттягивать свои резервы и части с других фронтов: Деникинского, Донского и других, или, действуя раздробленно, терять под дружным нашим натиском стратегические и тактические рубежи» [20. 26 марта]. Значимость соединения войск Колчака и Миллера подчеркнул в своем военном обзоре, напечатанном в конце марта в «Сибирской жизни», генерал Андогский. «Это обстоятельство, – писал он, – прежде всего, чрезвычайно важно в моральном отношении, доказывая населению северных уездов, что народившаяся в Сибири всероссийская верховная власть крепка и быстро распространяет свое влияние, свергая советскую власть. Население увидело сибирские войска и удостоверилось в их силе и способности служить опорой государственного правопорядка. Несомненно, отряды сибирских войск быстро пополнят здесь свои ряды добровольцами из местного населения, а сочувствие и расположение этого последнего обеспечит им необходимое снабжение продовольствием». Кроме того, по мнению генерала Андогского, соединение частей Сибирской армии и войск Северной области являлось важным и «в отношении возможности наладить прочные сношения между омским и архангельским правительствами и установить большее взаимодействие во взглядах на дальнейшую программу государственного строительства и в направлении военных действий» [17. 27 марта].

Какую же роль играла мифологема «единого антибольшевистского фронта» в общем ряду пропагандистских образов белой Сибири, в системе ее политической коммуникации? На наш взгляд, регулярное воспроизводство на протяжении весны – осени 1919 г. в периодических изданиях официального направления этого образа решало ряд важных для колчаковской пропаганды задач.

Во-первых, формировалось представление об антибольшевистском движении как монолитной силе с общим командованием и единой стратеги-

ей. «Только принимая во внимание данные о положении на всех фронтах, – неоднократно подчеркивали газеты, – можно составить себе правильное суждение об успехе или неуспехе войны», поскольку «замедление действий или неуспех на одном из фронтов компенсируется успехами на другом». При этом Восточный фронт позиционировался как основной фронт борьбы с «комиссаро-державием», а А.В. Колчак преподносился как бесспорный лидер всех антибольшевистских сил. «В последние недели, – писала 6 июля 1919 г. “Русская армия”, – свершилось чрезвычайно важное для дальнейшего хода борьбы с большевиками и чрезвычайно знаменательное для государственной жизни возрождающейся России событие. Верховный правитель адмирал А.В. Колчак принял на себя руководство операциями войск всех русских освободительных армий, воюющих на этом общем кольцеобразном фронте протяжением около 5 000 верст, т.е. около $\frac{5}{6}$ всего общего фронта» [15. 6 июля].

Во-вторых, наличие единого фронта должно было продемонстрировать явное превосходство белого движения. Превосходства, с одной стороны, стратегического, с другой – количественного. Кроме того, как подчеркивала пресса, «параллельно с увеличением и ростом сил, борющихся с большевиками на внешних фронтах, с каждым днем все увеличивается количество внутренних врагов советской власти» [15. 17 июля]. В такой ситуации положение советской России оценивалось как безнадежное. Так, по мнению военного обозревателя газеты «Русская армия» А.И. Волховского (под этим псевдонимом писал уже упоминавшийся начальник Академии Генерального штаба генерал А.И. Андогский), «у большевиков уже не хватает сил сопротивляться одновременно на всех участках громадного кольцеобразного фронта, железными объятиями охватившего большевизию и постепенно ее сжимающего». «Временные успехи на одних участках, – указывал он, – большевики покупают ценою своих разгромов на других, после чего железное кольцо вновь сжимается, приближая час гибели советской власти в России» [15. 15 июня]. Проводились параллели и с положением кайзеровской Германии накануне ее военного разгрома. «Советская Россия, – писали по этому поводу “Военные ведомости”, – подобно Германии, занимает центральное положение. Вокруг нее кольцо фронтов и войск. Она, подобно Германии, может перебрасывать войска с

одного фронта на другой, концентрировать их в одном месте, дабы воспрепятствовать слишком успешному и опасному для нее наступлению Сибирской армии, или армии генерала Деникина... Может быть, такой способ ведения борьбы делает ее затяжной. Но пример Германии у нас налицо, да и слишком велика истощенность советской России, чтобы затянулась война» [19. 27 мая]. Даже осенью 1919 г. сибирские газеты уподобляли большевиков «истомленному, обессиленному зверю, который после страшных злодеяний падает и находится при последнем издыхании» [18. 13 сент.].

В-третьих, очевидное преимущество положения антибольшевистских сил белых должно было еще теснее сплотить ряды его сторонников, убедить колеблющегося обывателя в необходимости последнего усилия для достижения победы.

В период поражения колчаковских войск содержание данного образа трансформируется. На первый план выходит стремление сгладить впечатление о военных неудачах, успокоить армию и население. Отступление белых войск при этом преподносилось как стратегическое маневрирование в рамках реализации единой стратегии. При этом известия об успехах на фронте генералов А.И. Деникина или Н.Н. Юденича призваны были «компенсировать» собственные поражения. Вот как, к примеру, рисовала сложившуюся в конце мая 1919 г. ситуацию газета «Военные ведомости»: «Так, за последнее время на среднем участке сибирского фронта произошло замедление, наши войска вынуждены были даже несколько отступить. Но зато последние известия с юга говорят о крупном успехе армии генерала Деникина, которая разбила 6 полков советских войск, и красные в панике бегут, а советские радио сами признают свое поражение. Безусловно достоверные известия французской миссии подтверждают успехи финляндских войск, которые стоят под Петроградом. Столь же успешны действия польских войск» [19. 27 мая]. По мере нарастания военных неудач к такому приему «противовеса» периодические издания официального направления обращаются все чаще. «В то время, как большевики продолжают свой напор на Восточном фронте, желая во что бы то ни стало выиграть больше хлебного пространства, – писала, в частности, “Надежда России”, – мы еще раз убеждаемся, насколько согласованно и дружно действуют южные армии с нашими войсками. Дорого заплатились большевики за взятие

Кургана и Тюмени. Почти в один день потеряли они Одессу, взятую английскими войсками, и Киев, отобранный украинцами. Конечно, нельзя даже и сравнивать их успех на востоке с неудачами на юге. Последние неизмеримо более первых» [18. 2 сент.].

Таким образом, регулярное транслирование в периодической печати образа «единого стратегического фронта борьбы с большевиками» преследовало две цели. С одной стороны – это **создание вполне определенного контекста** в освещении событий на фронте, в интерпретации военных сводок. С другой – это **персуазивное воздействие на аудиторию**, стремление убедить городского и сельского обывателя в неизбежности окончательной победы белого движения, призвать население к активному включению в борьбу с советской властью. Даже осенью 1919 г., когда исход борьбы на востоке России, казалось, уже был предрешен, продолжали воспроизводиться прежние установки. «Красное чудовище, – писала 1 октября газета “Русь”, – еще мечется в бессильных попытках разорвать стягивающую уже его шею петлю. Еще льется всюду праведная кровь лучших русских людей. Но близок час расплаты... И все судорожнее бьется отвратительный интернациональный зверь в поисках спасения от народного суда... Задача дня – дружным напором неослабевающей ни на один час добровольческой волны – ускорить последний девятый вал, который окончательно захлестнет врагов родины – “свободы, равенства и братства палачей”» [21. 1 окт.].

Однако консолидирующее воздействие образа «единого стратегического фронта борьбы с большевиками» на население Урала и Сибири оказалось незначительным. Уже летом 1919 г. в сибирских и уральских газетах, в том числе и органах «национальной и государственной мысли», проскальзывает мысль о том, что «средний обыватель менее всего склонен оценивать общую стратегическую обстановку и делать из нее соответствующие выводы». «Наоборот, – писала газета “Сибир-

ские стрелки”, – его интересует, главным образом тот фронт, от которого зависит благополучие и жизнь его и его семьи. И поэтому всякая неудача на этом фронте приводит его в нервное состояние» [22. 18 июня]. Проанализировав содержание почтовой корреспонденции, начальник Главного военного цензурно-контрольного бюро полковник Н.К. Павловский в начале августа 1919 г. сделал удручающий для колчаковской пропаганды вывод: «Победа Деникина не создают противовеса непосредственно надвигающейся опасности» [7. Л. 94].

ЛИТЕРАТУРА

1. Деникин А.И. Очерки русской смуты. Книга 3. Т 4–5. М., 2003. 832 с.
2. Директивы командования фронтов Красной Армии (1917–1922 гг.), Т. II. М., 1972. 804 с.
3. Бубберг А. Дневник // Гражданская война в России: Катастрофа Белого движения в Сибири. М., 2005. С. 231–322.
4. Директивы Главного командования Красной Армии (1917–1920). М., 1969. 884 с.
5. «Россия погибнет в волнах новой анархии» // Военно-исторический журнал. 1996. № 6. С. 79–83.
6. Освобождение России (Пермь). 1919.
7. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-147. Оп. 8. Д. 5.
8. Кучкин А.П. В боях и походах от Волги до Енисея (Записки военного комиссара). М., 1969. 296 с.
9. Отечественные ведомости (Екатеринбург). 1919.
10. Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 39499. Оп. 1. Д. 160.
11. Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. Т. 1. 1918–1922 гг. М., 2000. 864 с.
12. Посадков А.Л. «Белая» и «красная» печатная пропаганда на фронтах Гражданской войны в Сибири (опыт сравнения объективных характеристик) // Вестник Омского университета. 2000. № 1. С. 63–69.
13. ГАРФ. Ф. Р-4910. Оп. 1. Д. 19.
14. ГАРФ. Ф. Р-4910. Оп. 1. Д. 11.
15. Русская армия (Омск). 1919.
16. Очерки истории книжной культуры Сибири и Дальнего Востока. Т. 3: 1917–1930 гг. Новосибирск, 2002. 436 с.
17. Сибирская жизнь (Томск). 1919.
18. Надежда России (Новониколаевск). 1919.
19. Военные ведомости (Новониколаевск). 1919.
20. Сегодня (Томск). 1919.
21. Русь (Омск). 1919.
22. Сибирские стрелки. 1919.